

Катрина Камбург

Король улицы

из фавелы вдоль Латинской Америки

Катрина Камбург

**Король улицы: из фавелы
вдоль Латинской Америки**

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Камбург К.

Король улицы: из фавелы вдоль Латинской Америки /
К. Камбург — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Роман вдохновлен легендой улицы, бразильским музыкантом Pinzindin - самым ярким персонажем центральной авеню Сан-Пауло. Вместе мы вырвемся из бедняцкой фавелы вдоль Латинской Америки, где происходят мистические приключения на фоне исторических коллизий. Бразилия до сих пор остается неразгаданным уголком мира, поэтому ценителям экзотики будет интересно узнать, что же на самом деле творится за кулисами внешней феерии. И через призму этой истории придет ощущение, что несмотря на расстояния, читатель встретил родственную душу, которая поможет раскрыть загадки души собственной.

Король улицы:

из фавелы вдоль Латинской Америки

Вдохновлено историей легендарной личности и по совместительству моим спутником жизни, бразильским музыкантом Emerson Pinzindin.

Предисловие: священная земля

Казалось, небо разверзнется над ее головой, наливаясь тяжелыми тучами, в любой момент грозившими опрокинуться тоннами холодного дождя. Нет, это не видение. Злым порывом зимнего августовского ветра снесло крышу ветхой лачуги, коих великое множество в фавелах* (трущобах), прилегающих к великому сан-паульскому монстру.

Жители этих лачуг немало натерпелись за историю пост-рабства, заплатив за свое освобождение благами цивилизации, которые, увы, для многих из них так и оставались невозможными до конца их жизни. Как правило, фавелы строились в местах малопригодных для жилья, канализация там пролегла под открытым небом, к смраду которой приходилось привыкать с детских пеленок.

Часто неукрепленные участки земли холмистой местности размывало тропическими ливнями, и они заваливали бедняцкие деревни. И поскольку воде деваться было некуда, она заполняла жилища, вымывая оттуда и так небогатое имущество.

Марии пришлось испытать на себе все прелести жизни в фавеле, но другой она и не знала. Иногда ей становилось любопытно, а как бы сложилась ее жизнь, если бы ее дед, сразу после освобождения рабства пришедший из Баии* (штат Бразилии недалеко от экватора) пешком, остался бы там. Говорят, в Баии даже беднякам живется неплохо: там теплый климат, солнце круглый год, фрукты весят повсюду – с голода точно не умрешь.

И зачем ее деду понадобилось совершать этот путь, предопределивший их нищенское существование? Ну конечно, он сделал это в поисках лучшей доли. Тогда, да и по сей день, Сан-Пауло представляется для многих центром вселенной, юдолью для обделенных судьбой, кладезем бесконечных возможностей, которые так и польются на тебя, стоит только ступить на «священную землю».

Ну вот он и ступил. А чего добился? Того же, что и все, кто кидается за добычей иллюзий – полного разочарования? Хоть и оказался он крепким малым – не свалили его по дороге ни лихорадка, ни грабители, шел он, то пешком, то на перевозных, то подрабатывая, то останавливаясь, и так несколько лет. Стал основателем этой фавелы. И прожил немалый срок: 118 лет. В местном музее Сан-Пауло выставлена его трость – символ самого пожилого жителя штата* (в реальности эта трость принадлежала члену семьи по другой линии).

А может быть стремление к свободе и мечте о безграничных просторах идет от крови североамериканских индейцев, текущей в жилах ее матери, чья история не менее загадочна. Потомок свободолюбивых индейцев, выживших в неравной борьбе с кровожадными американцами, джамаиканец Джон, которого все принимали за чистокровного англичанина, был направлен на построение железной дороги в Бразилию. Там-то он и познакомился с бабушкой Марии.

Они любили друг друга долгих пятнадцать лет, в результате чего на свет появилось трое детей. Потом он вернулся в Англию, где у него была семья, и куда он эмигрировал, будучи ребенком. А бабушка Марии осталась воспитывать плоды своей любви, ни на секунду не сожалея о случившемся. Она знала, что потомок североамериканских индейцев оставил своим детям лучшее наследство – гордость за свои корни, страсть к справедливости и служение моральным идеалам...

Помечтать иногда было приятно, но все эти рассуждения и воспоминания надолго в голове Марии не задерживались – некогда. Нужно заботиться о муже и шестерых детей. Вернее, семерых, так как этот, последний, уже на подходе, его головка пробивала себе путь. Но, несмотря на дикие схватки, Мария, привыкшая к родильной боли, рассуждала трезво: если муж вскорости не явится домой, то всем им придется туго. Дождь зальет кровать, где происходил родильный процесс, хижина окажется на плаву, а новорожденный, возможно, погибнет, так и не успев насладиться первым днем своей жизни.

Значит, надо самой поторапливаться – рассчитывать не на кого. Дети, скорее всего, где-то бегают – в такие моменты она сама их отсылала из дома. Рядом на тумбочке лежат ножницы, чтобы обрезать пуповину. Выходи, милый, выходи скорее, от этого зависит наша с тобой жизнь.

Ее тело словно превратилось в пружину, матка – в насос, который, наконец, вытолкнул маленькое склизкое существо на свет. Она выдернула его из своего лона, может быть излишне резко, так, что от боли пришлось прикусить губу, а он заверещал, что было мочи. И в этот момент небо разверзлось яростным ливнем.

Сеньор Нельсон

Нельзя сказать, что он считал себя обделенным жизнью. На что ему было жаловаться? Крыша над головой имелась всегда, благо во времена его молодости земля в некоторой отдаленности от Сан-Пауло особой ценности не имела, можно было прийти со своей семьей и наподобие цыганского табора занять понравившееся место. Потом сняться и идти дальше, в поисках лучшей доли.

Бог не дал ему, негру, никаких привилегий в этой стране изобилия, ни об образовании* (бедняки до 1940-х учились лишь до 4-го класса), престижной работе или карьере не могло быть и речи, но у него было доброе сердце, любимая жена, детишки – что еще нужно для счастливой жизни? Зарабатывал он извлечением из мусора разнообразных предметов, которые потом можно было сбыть. Он также стучался в дома и просил людей пожертвовать или продать задешево медь и другие металлы, которые потом перепродавал.

И праздновал он свой праздник жизни то в церкви, вознося благодарность щедрому Богу, то в соседнем баре, за бутылочкой пива или кашасы* (местного спирта). Правда, если раньше он частенько увлекался алкогольным процессом, особенно когда обстановка к тому располагала – будучи холостяком он обожал посещать школу самбы Вай-Вай, где подыгрывал на своем пандейро* (бразильский бубен), то в последнее время он стал умерен в этом вопросе, поскольку настоящему кренче* (верующему евангелие) не подобает опьянять свой разум.

А сейчас ему трезвый разум ой как пригодился, сосед только что за ним прибежал, сообщив, что крышу его и так ненадежной лачуги снесло. «И ведь сегодня поутру Мария как раз жаловалась на тяжесть в животе, вдруг она в этот момент дает свет ребенку* (так бразильцы называют процесс рождения). А тут еще и ливень надвигается!» И они вдвоем побежали, что есть мочи, наперегонки увесистым каплям, уже отчаянно барабанившим по их распаленным лицам.

Когда сеньор Нельсон вбежал в спальню, дождь внезапно закончился, что совершенно несвойственно для тропиков, поэтому вода в домике не успела сильно подняться. На мокрых простынях лежала его жена и маленький карапузик, который почему-то не плакал, а улыбался счастливой улыбкой ангела. Казалось, зимний августовский ветер совершенно не мешал им находиться в каком-то, одним им понятном экстазе.

Нельсон склонился и, не говоря ни слова, сжал их в крепком объятии. Сейчас его хилая от природы грудь, казалось, могла вместить в себя весь мир. Это ли не счастье?

Шейх или букашка?

-Дэ, Кло, Зэ, Зи, Ре, Кла, Эмерсон!

В Бразилии обожают сокращать имена до одного, максимум двух слогов. Но с маленьким Эмерсоном такой трюк не проходил. Иногда его называли Эмер, и он ощущал себя арабским амиром, шейхом. А иногда...иногда он ощущал себя букашкой, которую вот-вот растопчут.

Можно ли назвать жизнь негра светлой? Можно, пока тот не знает, что он – негр. Вернее, на это не укажет общество. В Бразилии детишки об этом узнают рано. Но Эмерсон об этом пока не знал. Он шел с открытыми объятиями к миру...

–Помогите, мой сын тонет!

Мария задыхалась от волнения, взывая к соседям, но как назло, все мужчины находились на заработках, а домохозяйки могли только сочувственно всплескивать руками.

Тем временем трехлетний Эмерсон не находил ничего опасного в собственном положении. Он погружался в новый мир, наполненный расплывчатыми красками и пузырями, выходящими из собственного рта.

Там было очень комфортно. В отличие от обычного мира, людского, ему было легко ориентироваться, и близорукие глаза вдруг разглядели все окружающее с неприсущей им остротой. Этот волшебный мир заморозил маленького Эмерсона, который уже чувствовал себя его владыкой, и ему захотелось остаться там навсегда...

Вдруг он почувствовал, как что-то огромное надвигается над ним, и в ужасе закрыл глаза, захлебнувшись...

Кло оказался проворнее остальных. Он не стал ждать подмогу от взрослых, и, как был в одежде, нырнул на помощь своему младшему брату. Как ни странно, этот случай отложился в голове маленького Эмерсона, не в качестве несчастья, которое могло кончиться наихудшим образом, а как возвращение к самому себе – преодолевшему оболочку своего несовершенного хилого тела и вспомнившего о своем водном происхождении наследника затонувшей Атлантиды.

Но вскоре грянули по-настоящему драматические события, которые надолго вырвали маленького Эмерсона из мира грез, волшебства и беспричинного счастья. Которые заставили почувствовать его растоптанной букашкой, ненужной абсолютно никому на этой страшной планете.

Предсмертный салат

Казалось, день не предвещал ничего дурного: с раннего утра Клаудия и Эмерсон игрались в придорожной пыли, поднимать которую им казалось презабавной затеей. Затем последовал вкуснейший обед, состоящий из традиционного риса, бобов и мяса. Дальше все разбрелись, каждый по своим делам. Соседка позвала Марию поболтать у ее ворот.

Вообще-то Марии было некогда, в руках у нее находился пучок кресс-салата, чтобы приготовить ужин для всей семьи, которая вот-вот начнет собираться. Старшой уже работал, и его растущий организм больше всех нуждался в усиленном питании. Увесистый кусок говядины дожидался его еще с обеда, малявкам пока столько есть не обязательно.

Вдруг из другого соседнего дома послышались крики, это Клеуза – самая заядлая сплетница округи, взяла бразды правления в свои руки. Видя, что сегодня ее не позвали к воротам в качестве главной героини, она не на шутку обозлилась. И решила отомстить.

– Ты что, Мария, совсем потеряла стыд? Обсуждаешь мою жизнь, как будто меня и в помине не существует! Ну да, говорить плохо о других – это ты умеешь!

Мария совершенно растерялась от такой нападки, да еще и прилюдной. Тем более, что речи об этой дородной особе вообще не заходило. А Клеуза все зверела.

– Нет, вы посмотрите на нее, – уже не сдерживаясь, орала она на всю округу. – Эта нахалка разбалтывает то, что другим знать совершенно не обязательно. Не раскрывайте ей свои секреты!

– Клеуза, что с тобой, успокойся, – попыталась защититься Мария, но ей это слабо удавалось. Было такое ощущение, что силы совершенно покинули ее и так не блестящее здоровьем тело.

– Ха, она меня еще и успокаивает! Да она хочет заткнуть мне рот! А все потому, что ей не хочется знать о себе правду: на-хал-ка и сплет-ни-ца – вот кто ты! – Клеуза входила в раж, и уже ничто не могло ее остановить.

– Клеуза, пожалуйста, не надо, не кричи... – Мария почувствовала жуткую слабость, словно с каждым криком соседки ей в сердце вонзался кинжал.

– Не кричи? Да ты мне в дочери годишься, чтобы командовать мной. Нет, вы посмотрите – никакого воспитания, а еще хочет, чтобы ее уважали! И какой ты пример своим детям подаешь, бесстыдница!

– Я пойду, – прошептала Мария растерявшейся рядом с ней соседке, лишь крепче сжимая пучок салата, словно свою единственную защиту. Нетвердой походкой она вошла в дом. Вдруг дикая боль пронзила ее сердце. Она схватилась за грудь, не выпуская из рук листья салата, все померкло перед ее глазами, и каменный пол принял на себя ее бесчувственное тело.

– Мама, мамочка, поднимись! – беспрерывно повторял маленький Эмерсон, трясая любимую руку. Вторая ее рука продолжала сжимать салат. Произошедшая сцена поразила его неокрепшую душу своей щемящей фатальностью, но его мозг совершенно не мог понять, почему его мама – самое дорогое на свете существо, продолжает лежать на полу, не двигаясь.

Клаудия безвольно сидела возле него и не могла вымолвить ни слова. Наконец, в ней будто что-то преломилось, и она завопила своим тоненьким голоском: «Помогите!»

Дом стал заполняться людьми, кто-то из соседей побежал за сеньором Нельсоном. Единственный, кто не шелохнулся за время всей суматохи – это трехлетний Эмерсон, который больше всего на свете хотел одного – чтобы мама опять заговорила с ним и ласково потрепала по головке. Пусть она даже отругает его за очередную шалость – сейчас он примет все и даже не подумает рассердиться.

Нельсон склонился над любимой женой в беззвучном плаче: неужели такой конец приготовил ей Он? И все из-за какой-то сумасшедшей соседки... Ведь у Марии вся семья умерла от разрыва сердца, а теперь и она... 33 года – возраст Иисуса, да она просто святая. А детишки, что будет со всеми ними...

Когда у нее вынули из руки пучок салата, Эмерсону стало по-настоящему страшно. Эти люди пытались и его оттащить от любимой мамочки, но он вцепился в ее руку так, что они сдались. Он сидел подле нее, и его сердце сжимала необъяснимая тоска. Из глаз, не переставая, лились слезы. Так он просидел всю ночь.

Судьбоносное решение

В семье Пинто поселился траур. Хуже всего приходилось сеньору Нельсону, так как помимо своей печали, он должен был нести ее крест каждого своего отпрыска. Но труднее всего ситуация складывалась с Эмерсоном: он и Клаудия – единственные из детей, присутствовавшие при смерти матери. И если его сестра хоть как-то да смирилась с потерей, то мальчонка до сих пор не мог справиться с травмой. Он постоянно ревел, практически перестал есть, по ночам просыпался в поту и своими криками будил всех окружающих.

Сеньору Нельсону срочно нужно было принять какое-то решение, иначе ситуация совершенно выйдет из-под контроля. И он, скрепя сердце, его принял.

–Завтра вы в школу не пойдете, – объявил он детям, от чего они радостно захлопали в ладоши.

«Ох, знали бы, что я им приготовил, так бы не радовались», – с горечью подумал отец семейства, но другого пути он не видел. Он чувствовал, что сам не справится.

Завтра детей заберут в приют, конечно же, он будет их там навещать, но ответственности за них он уже нести не будет. При нем же останутся двое старших: Тадэу (Дэ) и Клодоалдо (Кло). Им уже по тринадцать и четырнадцать, ребята они толковые, работают, так что будут ему в помощь, а не в обузу.

Остальным придется свыкнуться с новой реальностью. Но говорят, в этом интернате совсем неплохо. За детишками смотрят, ухаживают, голодными или потрепанными они ходить не будут. Пожертвования идут из самой заграницы, правда, Нельсон забыл, из какой точно страны. Но все, что за граница – это хорошо.

Младшенький, как всегда отличился – и откуда столько упертости в этом трехлетнем мальчугане? Он забился в угол, отбиваясь своими маленькими кулачками, и никакой силы в этой вселенной не существовало, чтобы она забрала его далеко от комнаты его мамочки.

Но нет худа без добра. Нашему герою была уготовлена иная судьба, чем прозябать за стенами интерната, где на детях нещадно нагревались, обкрадывая мясом их пайки.

Нет, вы не подумайте, голодными или неухоженными их не оставляли, ведь дотации приходили из самой Швеции, и семейство, организовавшее это предприятие, хоть и нагревалось на нем, сделав его весьма доходным бизнесом, но держало детей в относительно приемлемых условиях.

Единственное, чего там не хватало детям, это нежности. Чуткости. Душевности. Маленькому Эмерсону там грозила бы смерть от тоски, либо путь «трудного подростка», сердце которого стало бы жестче камня.

К счастью, есть такое понятие в католицизме – крестные. В Бразилии они, как добрые феи, приходят на помощь в самых запутанных ситуациях. У Эмерсона такие крестные были и, узнав о беде, постигшей сестру, они решили на время приютить безутешного мальчонку у себя. Тетя Алзира и дядя Алсидес, увидев своего племянника, всплеснули руками: он был почти за стадии истощения, с заплаканными глазами, где давно уже не вспыхивали искорки надежды на возможное счастье.

–Малыш, хочешь немного пожить у нас? – ласково обратилась к нему крестная.

Он недоверчиво посмотрел на нее и всхлипнул, ведь это означало, что его отдалят от комнаты, где обитает мамина душа. Но с другой стороны от этой тети исходило тепло, по которому он так безумно тосковал, что ему захотелось попробовать.

Все происходящее дальше он помнил с трудом, будто завесь тоски, смешанной с надеждой, застила его сознание, в которое врезались лишь некоторые детали: вот они все вместе сидят в поезде. Он все еще плачет по своей невозвратимой утрате, на ногах его болтаются девчоночьи туфли – своих у него сроду не было, а босиком в городе, как ему объяснили, не разгуливают.

Вот ему приготовили детскую кроватку, прямо в комнате у дяди и тети, где он наконец-то спокойно уснул, не встречаясь больше с призраками прошлого. Потом тетя сидит с ним в бесконечных больничных очередях – у него обнаружили глисты, астма и анемия.

Вот он впервые назвал ее мамой – она не сопротивлялась, приговаривая: где трое деток живут, там и четвертый поместится. И всегда отвечала ему доброй улыбкой.

Дядю Алсидеса он тоже полюбил, но с ним было не так уютно. Бывший военный правительственных войск «Драконы Независимости» и кавалерии Сан-Пауло, участник Великой Отечественной Войны в Италии – он был строг как с собой, так и со всеми окружающими, держа их на известной дистанции. Главным для него была дисциплина, как в делах, так и в семье.

Спустя несколько месяцев Эмерсону исполнилось четыре года, и он пошел в садик. Там он все схватывал на лету, словно изголодавшись по знаниям. Не прошло и года, как он научился бегло читать, писать, считать, к шести годам он уже знал начало школьной программы. Потом настала очередь книг двоюродного брата по физике, которые он штудировал с превеликим удовольствием и применял на практике, постоянно что-то изобретая.

В школе он поступил в класс «А» – самый сильный. То они выигрывали в конкурсах и на зависть другим отправлялись в поход. То устраивали школьный оркестр, где Эмерсону было уготовлено почетное место горниста.

А после школьных уроков наступало время для не менее интересных занятий: Эмерсон делал воздушных змеев, которых тут же продавал, собирал велосипеды, производил опыты на пауках. Для этого ему пригодилась работа в аптеке, где он любил проводить время за прилавком в роли помощника. Там он «подрабатывал» на шприцы, спирт и другие принадлежности, которые потом применял на насекомых. Он их ни в коем случае не убивал, а всего лишь использовал свою «секретную комбинацию» из вытяжки ягод, которые росли в его саду. Раз – и паук засыпал. А с помощью другой комбинации просыпался. И, счастливый, убежал в свою паутину.

Но мальчик на этом не останавливался, он решил устроить театр кукол. Все как будто получилось само собой: принц был найден в канализации, вымыт и продезинфицирован. Колдун валялся в мусорке – дядя все чаще ворчал, что Эмерсон идет по стопам своего отца – зачем он постоянно копается в мусоре, неужели ему чего-то не хватает? Ну как дядя не может понять, что мусор, помимо грязи, содержит массу удивительных и нужных вещей! А грязь – ну подумаешь. Еще из школы Эмерсон вынес, как важно проводить дезинфекцию, и тогда никакой мусор не страшен.

Колдун был лыс и устрашающ, ему был приделан дырявый плащ, а его единственный глаз светился зловещей пустотой. За то принцесса была хорошенькая, правда ей тоже не хватало волос, но этот факт компенсировался шикарным платьем, позаимствованным у сестринской куклы.

По выходным дом крестных набивался до предела, принц в который раз сносил голову колдуну, которую все наперебой искали по комнате, принцесса визжала от радости, Эмерсон вдохновенно импровизировал наподобие звезды экрана, тетя радостно вздыхала, а дяде в руку опускались несколько крузэйро* (бразильская монета того времени, равная сегодняшнему реалу) – плата зрителей за единственное в байро * (район) шоу.

Злодей возвращается

Когда он в первый раз забрал его к себе на каникулы, Эмерсону даже понравилось: можно было играть на улице с утра до ночи, не нужно было мыться перед сном. Но слишком уж реальность его теперешней жизни отличалась от той, прежней.

На этот раз, когда он увидел фигуру своего отца, его всего затрясло. Нет, он не вернется к нему, тот ведь сам от него отказался несколько лет назад. А что теперь? Подросток, выучился в четырех классах, получай готовенький продукт? Но отец был непреклонен. В конце концов, Эмерсон – его сын, а он – его отец и имеет право распоряжаться его судьбой.

На глаза у мальчика навернулись слезы. Стоп, сейчас он уже большой и не имеет права плакать, иначе дядя Алсидес точно от него откажется. Вдруг все действительно пойдет не так плохо, как ему представлялось.

За это время отец в очередной раз переехал. Их прежняя лачуга была дворцом по сравнению с теперешней. Клопы, грязь, мыться негде, но все это – ничто по сравнению с одной деталью: там не было туалета. Мочиться нужно было в посудину, а по-большому ходили в задней комнате. Экскременты собирались в горку и выкидывались, куда попало.

Эмерсон за несколько месяцев превратился в фавельного* (трусобного) оборвыша: невымытый, нечесанный, досаждаемый вшами и клопами – и как только его старшие братья терпели такое? Да им особо было некогда, они работали с утра до вечера, а Эмерсону, как видно, была уготовлена другая участь.

–Пойдешь со мной в церковь, – в одно из воскресных утр процедил отец.

Мальчик безропотно повиновался – его воля, как и у своих поработанных предков, была истоптана, угнетена и держалась на последнем волоске от гибели.

В церкви было не так плохо, как ему представлялось. Она стала словно отдушиной от всех этих ужасных условий и неудобств. Она обещала покой и рай. Правда, не в этой жизни. Но тут произошел инцидент, навсегда отвративший Эмерсона от сладких обещаний: одна из монашек обозвала его черной обезьяной. После этого он заявил, что в церковь ни за что не вернется. Отцу он начал грубить, все чаще отлучался из дома – его уже ждали компании подростков, алчущих приключений по жизни.

– Пойдешь сегодня вечером с нами в засаду?

–В засаду? – переспросил удивленный Эмерсон у шустрого Жоана, одежда которого, несмотря на повсеместную бедность, разительно отличалась от сверстников.

–Ну да, будем обчищать лохов, которые ходят по нашей дороге.

–Я п-подумаю, – смутился Эмерсон и, сославшись на отца, побежал домой.

Слава Богу, что-то его остановило от неприглядного поступка, который, как и Жоана, довел бы его в скором будущем до тюрьмы. Несмотря на соблазн, Эмерсон твердо усвоил от крестных, что честь – превыше всего, а воровать – грех, который вернется возмездием. Но покоя ему здесь не дадут. Куда же деваться? И в один из дней созрел план. Как всегда, собрав вещи в школу, Эмерсон прихватил в рюкзаке пару вещей на смену, но вместо школы отправился на вокзал.

–Дядечка, будь добр, помоги мне добраться до школы в Сан-Паулу, отец мне сегодня не дал на проезд денег. – Он отчаянно врал, превращаясь в профессионального попрошайку, ну а что делать? Лучше так, чем продолжать прозябать у отца.

–Мама, я тебя умоляю, – Эмерсон, не дав опомниться, кинулся тете Алзире в ноги, – вы же мои крестные! Оставьте меня у себя! Я все равно не вернусь больше домой! Лучше, буду жить на улице!

–Ладно, баловник, поднимайся с пола. Будешь спать со всеми детьми. Где есть место трем, там и четвертый поместится. Но будь добр – найти себе работу. Не маленький уже, тринадцать исполнилось.

Дядя Алсидис только хмыкнул в усы, увидев пополнение в семье, которое обещало стать постоянным. Нужен глаз да глаз за этим малым, чтобы тот не пошел по скользкому пути. Да уж лучше пусть будет здесь на глазах, чем в той ужасной фавеле... Ничего, где солдатская выучка не пропадала.

Первая любовь

Эмерсон увлеченно играл на скрипке, это была его новая страсть. До нее он уже изучил гитару и пандейро. Хорошо, что в SESC Consolação * (культурный центр рядом с Avenida Paulista) он мог заниматься музыкой бесплатно. Страсть – это то, что обжигает, а потом остывает. Любовь же, может и не столько бурна, но греет всю оставшуюся жизнь. Вскоре Эмерсону довелось испытать, что такое настоящая любовь.

Охранники были его друзьями и пускали за кулисы встречаться с самыми именитыми артистами. Так получилось и на этот раз. Сегодня выступал великий Altamiro Carrilho, мастерски владеющий флейтой. Встречи назывались *Classicos em chorro** (классики в «шоро» или

«шориньо» – бразильский стиль, переводится «плач». Один из стилей самбы, основателем которого был Pinxinguinha – негритянский композитор 19-го века).

Когда он играл вальс Шопена или 5-ю симфонию Бетховена на манер chorinho, публика просто сходила с ума от восторга. Эмерсон был очарован не менее других. Он уже научился ценить и любить классику, а ведь это немалое начало в музыке – учиться понимать ее. Но сейчас он стал свидетелем невиданного зрелища, как флейта – новый для него инструмент – оживала под пальцами виртуозного музыканта.

То она весело махала своим серебряным хвостом, и хотелось вслед за ней нестись в пляс. То она завораживала своей грустной мелодией, и на глаза наворачивались слезы. Эмерсон был покорен. В перерыве между отделениями он захватил внимание маэстро, и тот вложил ему в руки свою флейту. Эмерсон оторопел: никогда с ним не происходило ничего подобного – тело пронзила странная дрожь-судорога, будто флейта передала ему свою божественную силу.

Он погладил ее. Обследовал со всех сторон. Алтамиро уже должен был выйти на сцену, как вдруг вытащил из футляра запасной инструмент: «Поиграйся пока, до конца спектакля, а я пошел на выход». Когда он вернулся, ответив на непрекращающиеся рукоплескания зала своим знаменитым небрежным поклоном, то застал парня все в том же положении, склонившимся над флейтой.

Произошло неожиданное: Эмерсон нашел свою вечную спутницу жизни.

Santa Casa (госпиталь Санта Каза – Святой Дом)

– Я хочу купить эту флейту, – нескладный подросток-негр с худыми ногами и длинными пальцами вертел флейту в руках, а продавец внутренне молился, чтобы тот, не дай Бог, ее не уронил. Он, наверное, и не подозревает, какое сокровище держит в своих руках.

– Малец, а ты знаешь, сколько она стоит? – ухмыльнулся хозяин из-за прилавка. Этот простак, наверное, думает, что попал в магазин игрушек.

– Вот это, сеньор, я бы и хотел у Вас выяснить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.